

Sipko, Jozef

Русские лексемы как фрагменты языковой картины России в Словакии

Opera Slavica. 2009, vol. 19, iss. 4, pp. 19-27

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117111>

Access Date: 05. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РУССКИЕ ЛЕКСЕМЫ КАК ФРАГМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ РОССИИ В СЛОВАКИИ

Йозеф Сипко (Прешов)

Абстракт:

В статье автор обращает свое внимание на русские лексемы, которые употребляются в словацкой прессе как этнокультурные русизмы. Тем самым они создают фрагменты языковой картины России в Словакии. Более подробный анализ данных русизмов говорит также об их стилистических качествах. Можно отметить, что в большинстве случаев у них экспрессивная и оценочная функции. Появляется возможность создать определенную классификацию данных русизмов в словацкой прессе. В настоящей работе излагаются теоретические заключения, дополненные многими иллюстрациями, что расширяет интерпретационные возможности исследования.

Ключевые слова: язык, языковая картина, лексема, русизмы, русский, словацкий, пресса, Россия, Словакия

Abstract:

Russian Lexemes as Fragments of the Linguistic Picture of Russia in Slovakia

In this work the author concentrates on Russian lexemes used as ethno cultural Russianisms in the Slovak press. Thus fragments of the linguistic picture of Russia in Slovakia are created. A more detailed analysis of the abovementioned Russianisms shows us their stylistic dimension. We have come to a conclusion that they have both expressive and evaluative function. It is also possible to create a certain classification of such Russianisms in the Slovak press. In the article the theoretical conclusions are complemented by many examples, taken from the press, which enriches interpretative possibilities of the phenomenon in question.

Key words: language, linguistic picture, lexem, Russianisms, Russian, Slovak, press, Russia, Slovakia

В процессе межкультурных контактов важным фактором является объективное познание контактирующих этнокультур. Незаменимую роль в описании истинной картины любой этнокультуры играет язык. В данной статье анализируется лексический материал **этнокультурных русизмов (ЭР)** в современной словацкой прессе, на основе которого можно определить лингвокультурологическую **иерархичность** словацкого познания России. Естественно, что к ЭР можно отнести разноразличные единицы рус-

ского языка. Базой нашего исследования служат конкретные слова и выражения. Источниками фактического материала послужили престижные современные словацкие СМИ. Примеры даются на словацком языке и в нашем переводе на русский язык.

В современной словацкой прессе в качестве ЭР регулярно встречаются **русские лексемы** с разнообразными стилистическими коннотациями. Как правило, большинство таких ЭР находятся в статьях московских корреспондентов словацких газет, в первую очередь газеты «Сме» (Sme, дословно „Мы“). Самую многочисленную группу из них образуют лексемы **повседневного употребления** из разных сфер жизни. В преобладающем большинстве разные формы заимствования русских слов отображают вполне конкретную **оценочную позицию** по отношению к описываемым реалиям. Посредством ЭР дается оценка словацким, российским и мировым событиям истории, но еще активнее оцениваются современные события. В репортажах о России часто присутствует картина русского **гостеприимства**, отражаемая с помощью слова *рюмочка*: *Začína prípitok hosťitel' rjumočkou. – Тост хозяин начинает рюмочкой* (Т. 2007. № 22).

Кроме российских напитков, выступающих ярким признаком широкого русского застолья, используется также слово *kaviár* (рус. икра). В наше время оно несет негативные коннотации, рождаемые образом жизни российских олигархов, с которыми сравниваются некоторые словацкие интеллектуалы: *Intelektuáli sa krmia spoločenskou skepsou ako ruskí zbohatlíci kaviárom. – Интеллектуалы насыщаются скептицизмом, как российские олигархи икрой* (Sme, 7.2.2009)

В одном репортаже из России описана жизнь типичной живущей в достатке женщины, в образе которой показана особенность русского национального характера, выраженная глаголом *наслаждаться*, в словацком тексте дается его транслитерация: *Prečo vyhl'adávate len drahé hotely? «Naslažďať'sja».* – Почему выбираете только дорогостоящие гостиницы? **«Наслаждаться»** (Т. 2007. № 22).

Лучшим способом отдохнуть от городской суеты является *дача*. На ней отдыхают и словацкие политики. Русское слово *дача* в словацком контексте символизирует зажиточность, избранность; в конкретном контексте оно содержит иронические коннотации: *Premiér nie je na dači, ale v Piešťanoch. – Премьера нет на даче, он в Пештянах* (самый известный курорт в Словакии) (Р. 5. 11. 1997).

Сложности с пересечением границ Молдавии и Приднестровья отражены словосочетанием, в которое включено транслитерированное русское имя прилагательное *большой* и существительное *проблема*, употребленное в результате интерференции со словацким языком в мужском роде: ***Boľšoj problem!*** (Т. 2007. № 22). В другой статье о Молдавии на аналогичную тему

слово *проблема* в том же словосочетании употреблено уже в русской традиции, правильно: *Vot, bol'shaja problema* (Ž. č. 50.2008).

Во время чемпионата мира по хоккею, который проходил в мае 2007 г. в Москве, словацкие журналисты отражали российскую действительность посредством разных русизмов, в том числе непереводаемых. Словацкое ТВ 1-го января 2008 г. показывало документальный фильм об этом московском чемпионате. Кроме сюжетов о хоккейных встречах словацкие тележурналисты подготовили видеорепортаж о Москве. В целом можно сказать, что он был объективен и доброжелателен. Москву при этом описывали в сопоставлении ее современности и советского прошлого посредством единиц русского языка, которые напоминали о бывших реалиях, похожих на аналогичную обстановку в Словакии: *Уже давно нет очередей за колбасой; Русские могут пить и сами, в одиночку, без известного «давай бухнем» [или «сообразим на троих» – Й. С.] из советских времен.* Авторы при этом раскрывают исторический фон этого русского обычая (рассказывают о *штанге, поставленном на шею одного мастера вместо потерянной им царской грамоты, пожалованной в награду за мастерство и разрешающей ему пить беспрепятственно по всей Руси*). Репортаж о посещении цирка начинается словами: *Byť v Moskve a nevidieť ruský cirkus, to je to isté, ako byť v Paríži a nevidieť Eiffelovu vežu. – Быть в Москве и не видеть русский цирк, это то же самое, что побывать в Париже и не увидеть Эйфелеву башню.*

Московский метрополитен был представлен экскурсом по отдельным станциям, которые: *Sú ozajstnými galériami. Všetci Slováci v ňom môžu cestovať každý deň po dvakrát. – (Станции) ... являются настоящими галереями. Все словаки по нему могут путешествовать ежедневно два раза.*

Авторы телерепортажей по случаю Дня победы говорили словацким телезрителям о Великой Отечественной войне под звуки «Катюши», сопровождающие эпизоды Поклонной горы. Автор данного репортажа подчеркнул, что каждая российская семья потеряла своих родных и может поэтому: *Moskovčania slzám ne veria, hoci ich zbornaja nepostúpila do finále majstrovstiev. – Москвичи слезам не верят, хотя их сборная не вышла в финал чемпионата.* Русское словосочетание *сборная команда* регулярно функционирует в словацком языке еще с тех времен, когда проходили незабываемые хоккейные поединки сборных СССР и Чехословакии.

В упомянутом телерепортаже невозможно было обойти и контрасты современной Москвы – ее богатство и бедность (бомжи). В этом ракурсе особое внимание было уделено молодым москвичам под звуки песни:

Выйду на улицу, гляну на село,

Девки гуляют и мне весело...

Несмотря на все контрасты: *Moskva rastie a rozširuje sa a keby ju nezaľožil Jurij Dolgorukij, tak niekto by ju musel aj tak založiť. – Москва растет и*

укрупняется, и если бы ее не основал Юрий Долгорукий, то кто-то все же должен был ее основать.

По нашим наблюдениям, это были пока самые добросердечные и положительные репортажи о современной России и о Москве. Психологически это связано и с тем, что хоккей традиционно представляет собой феномен, который нас сближает с русскими уже многие десятилетия. В сознании жителей Словакии всегда жило уважение к русской культуре и к спортивным достижениям, поскольку культурные и спортивные мероприятия ассоциируются с дружеской атмосферой, здесь больше положительных эмоций и доброжелательности, что надолго остается в памяти. Время от времени ветераны хоккея России и Словакии встречаются в Словакии и выступают со своими воспоминаниями. Это по сути дела лучшие послы доброй воли, поддерживающие хорошие отношения между нашими народами. В последние годы информация о России распространяется также благодаря спортсменам, в первую очередь, словацким хоккеистам и футболистам, играющим в российских командах. Реже, но бывают все же случаи, когда российские спортсмены играют в Словакии.

Хоккейные встречи сборных СССР и Чехословакии оставили в памяти целого поколения наших жителей незабываемые впечатления, а в словацком языке и некоторые русизмы. Легендарный представитель сборной Чехословакии, замечательный нападающий Йозеф Голонка время от времени выступает в разных телепередачах, в которых живо и с юмором вспоминает о своих спортивных впечатлениях. В одном монологе он прямо употребил русское слово *болельщик*, которое в Словакии было долгие годы очень распространенным: *Hrali sme na otvorenom štadióne, kde na tribúnach sedelo 20 tisíc domácich boľeľščíkov.* – *Мы играли на открытом стадионе, на трибунах которого сидело 20 тысяч местных болельщиков.*

Целый ряд русских лексем указывает на элементы русского поведения, менталитета, они довольно хорошо известны в словацкой (и не только в словацкой) среде. В статье под заголовком *Zbohom Jel'cin, drž sa Putin.* – *Прощай Ельцин, держись Путин* (после смерти Ельцина) были упомянуты и такие фрагменты современной российской жизни: *Kde by potom našli útočisko všetku devušky.* – *Где бы нашли себе приют все девушки* (о московских проститутках). Судьба многих таких российских *девушек* как бы напоминает об их мечте счастливо жить на Западе в замужестве с богатым мужчиной. Именно такая мысль развивается в статье об известном чешском хоккеисте Яромире Ягре после того, как он стал играть за команду Омска: *Nejedná sibírská devočka sníva o cudzincovi, ktorý by ju odviezol na Západ.* – *Не одна сибирская девочка мечтает об иностранце, который повез бы ее на Запад* (Ž. № 30. 2008). Необходимо добавить, что в подобном психологическом состоянии находятся часто и современные словацкие *девушки*,

судьба которых в поисках счастливой жизни на Западе оказалась драматичной, а то и трагичной. Некоторые из них пропали без вести.

Понятно и близко словакам слово *бабушка*. Об одной пожилой женщине, которая продавала наркотики, написали: *Podarená babuška*. – *Ловкая бабушка* (Sme, 4. 2. 1999).

Словацким журналистам известны и непере译имые единицы русского языка: *Jolki-palki, keď si predstavím, že by som mohol byť na ich mieste*. – *Елки-палки, я воображаю, кем я мог стать, будучи на их месте* (бывший хоккеист о своих неосуществимых мечтах – играть в НХЛ); *Dostať sa do kategórie masterov sporta*. – *Понасть в категорию мастеров спорта* (о возможностях молодых хоккеистов) (Sme, 27. 4. 2007).

Современной сложной проблемой не только всех мегаполисов, но и провинциальных городов, является *пробка*. Картину московских пробок передает посредством собственного комментария словацкий журналист, поскольку то же самое явление в словацком языке названо посредством совершенно другой метафоры – (*zápcha*): *Moskva je zatiaľ super, nebyť nešťastejšou probkou. Probka v preklade znamená zátka vo fľaši*. – *Москва пока супер, если б не было этой несчастной пробки. Пробка в переводе значит пробку для бутылки* (Sme, 28. 4. 2007).

Слово *елка* вызывает ассоциации с российскими новогодними праздниками. Об украинских детях, проводивших в Словакии Праздник Рождества Христова, написали, что они живут в ожидании *елки*. В Словакии – это *stromček* (*деревце*): *Težia sa na jolku*. – *Они в радостном ожидании елки* (Р. 7. 1. 1999). Репортаж из новогодней России был опубликован под заголовком:

Rusi stavali megajolky. – *Русские ставили мегаялки* (Sme, 31. 12. 2007). Речь идет о самых больших *елках* в российских городах. Вместе с *Дедом Морозом* *елка* представляет собой самый частый словесный образ русских новогодних праздников: *Dedo Mráz existuje*. – *Дед Мороз существует* (Sme, 31. 12. 2007).

Слово *герой* в словацкой среде употребляется, кроме серьезного мотива, также и с ироническим подтоном. В следующей иллюстрации именно в таком духе автор говорит о *героях* словацкой истории, при этом указанным русизмом он выражает сомнения в *героизме* некоторых личностей из словацкой истории: *Jeden zo štyroch gerojov Slovenska Jánošík (ešte Svätopluk, Tiso a Mečiar)*. – *Один из четырех героев Словакии Яношик (еще Святополк, Тисо и Мечьяр)* (Р. 9. 5. 1997).

В словацкоязычной среде довольно распространено русское слово *ба-тюшка*. Оно употребляется в первичном значении: *Prichýlil ju baťuška pop*. – *Приютил ее батюшка-поп*, а также в политическом контексте по отношению к верховным правителям России в прошлом. Традиционное в русской

истории обращение к правителю *царь-батюшка* влияет на использование словосочетания *батюшка царь* как определенной оценочной характеристики известных государственных деятелей. Слово *батюшка* в современном политическом контексте носит еще и оттенок некоторого комизма. Со *Сталиным* слово *батюшка* ассоциируется, по-видимому, также со словосочетанием *отец народа*: «*Ked' sa rúbe les, lietajú triesky*», *vrvieval kedysi dávno báťuška Josif Vissarionovič*. – «*Когда лес рубят, щепки летят*», *говаривал когда-то давно батюшка Иосиф Виссарионович* (Т. 2007. № 22).

Исключительно в ироническом плане слово *батюшка* функционирует по отношению к верховным правителям постсоветской России, что связано с чертами политического абсолютизма. Тем же существенным словацкие журналисты назвали бывшего президента России Б. Ельцина, описывая его связи и отношения с российскими банкирами: *Bojari svojho báťušku poslúchlí*. – *Бояре своего батюшку послушались* (Р. 18. 9. 1997). *Батюшкой* был назван также президент В. Путин: *Estónski Rusi sa upínajú k Rusku, od ktorého čakajú ochranu, ale pod krídla báťušku Putina by sa nepresťahovali*. – *Русские из Эстонии ждут помощи и защиты от России, но под крылья батюшки Путина они не стремятся переселиться* (Т. 2007. № 20). В связи с многочисленными публикациями о «третьем сроке» В. В. Путина, о его «преемнике», которого по общепринятой версии практически выбрал сам Путин, словацкие журналисты анализировали ограниченные возможности словацкого президента И. Гашпаровича перед очередными президентскими выборами: *Baťuška Gašparovič si nástupcu vybrať nemôže*. – *Батюшка Гашпарович своего преемника выбрать не может* (Sme, 11. 12. 2007).

То обстоятельство, что современный израильский политик *А. Либерман* является выходцем из России, а также стиль его поведения как политика послужили основанием для аналогичной характеристики: *Má imidž báťušku cára*. – *У него имидж батюшки царя* (Sme, 7.2.2009). *Либерман* после парламентских выборов в Израиле в 2009 году занял достаточно сильную позицию. По некоторым комментариям, у него *твердый русский характер*, которым он даже напоминает трагически погибшего австрийского политика *Хайдера*. Оказывается, что *батюшка Либерман* представляет собой некую смесь русской и немецкой твердости: *Na arabskú náturu treba «ruskú» tvrdú ruku*. *Izrael má svojo Haidera*. – *На арабский характер необходима «твердая» русская рука*. *У Израиля есть свой Хайдер* (Sme, 7.2.2009).

Посредством слова *царь* словацкому читателю представляют замечательного футболиста Петроградского «Зенита» Аршавина, который стал игроком английской команды «Арсенал». Когда он забил в одном матче сразу четыре гола, то именно это слово подошло как нельзя лучше: *Ruský futbalový cár*. – *Российский футбольный царь* (Sme, 23.4.2009).

Известные **клишированные выражения** русского языка создают в словацком контексте, как уже было отмечено выше, определенный **комический эффект**. Самый известный словацкий предприниматель (*олигарх – veľkopodnikateľ*) 1990-ых годов Александр Резеш прославился, кроме всего прочего и тем, что после приватизации (*прихватазации?*) самого большого словацкого предприятия – Восточнословацкого металлургического комбината в городе Кошицы (теперь собственность американцев под названием US Steel), «купил» лучший чешский футбольный клуб «Спарта» Прага. Словацкий «Абрамович» выступал перед общественностью как всезнающий человек: *A. Rezeš je v kurze dela. – A. Резеш в курсе дела* (Р. 4. 5. 1998).

В статье об Экономическом университете в Братиславе критиковались некоторые стороны его деятельности, в частности, ограниченные способности преподавателей университета во владении иностранными языками, которые в большинстве случаев ограничиваются только русским языком, что автор статьи считает большим минусом. Этот факт влияет на заголовок: *My говорим по rusky. – Мы говорим по-русски* (Т. 2008. 9).

После ожидаемой победы Д. А. Медведева на президентских выборах в 2008 году и нашим журналистам было *все ясно: Vsjo jasno – vyhral Medvedev. – Все ясно – победил Медведев.* (Р. 3. 3. 2008). Он родился в скромной семье, поскольку: *D. Medvedev sa narodil v komunálke a daču nikdy nemali. – Д. Медведев родился в коммуналке, и дачи у них никогда не было* (Sme, 1. 3. 2008).

Преступность в постсоветской России принесла новые лингвокультурные коды. Один из них представлен в глаголе *заказать* и в его дериватах *заказчик, заказуха*. Последнее слово известно также словацким журналистам: *Zakazucha* (NO. 12. 11. 1998 – о журнальных статьях, написанных по заказу). В словацком языке употребляется скорее нейтральное выражение *písať na objednávku – писать по заказу*; экспрессивность, выраженная русским суффиксом *-ух-*, подходит для отрицательной оценки подобных статей в большей мере.

Многие реалии в России и в Словакии в постсоветские годы похожи друг на друга. В общественности, судя по народным словесным жанрам, создается аналогичная картина социального расслоения, и даже пропасти между широкими массами и разбогатевшими представителями власти:

*V Rusku sa meria verstou, В России все измеряется верстой,
U nás blahobyť vládnym zderstvom. У нас правительственным воровством.*
(SNN. 2003. № 20).

В современном русском языке как результат массового присутствия торговцев с Кавказа на российских рынках и особенно после вооруженных конфликтов в кавказском регионе, стало употребляться выражение *лица кавказской национальности*, наделяемое определенными отрицательными

коннотациями. Они были заимствованы и словацким языком. О предполагаемых преступниках писали: *Páchateľmi môžu byť dvaja mladí muži kaukazského vzhľadu. – Преступниками могут быть двое молодых мужчин кавказской национальности* (Sme, 22. 3. 2008).

События в Грузии в августе 2008 года вызвали многочисленные комментарии, содержащие, как правило, априорное осуждение России. В переведенной на словацкий язык статье украинского писателя Ю. Андруховича для характеристики действий России употребляется выражение *беспредел*, заимствованное из арго преступного мира, со словацким толкованием: *Ruština pozná slovo «bezpredelščík». Toto slovo pôvodne opisovalo pomery v zóne, väznici, či v trestnom tábore. Porušenie nepísaných pravidiel je «bezpredel» (čosi ako bezzákonnosť, anarchia). «Bezpredelščík» sa snaží všetkých zastrašovať. – Русский язык знает слово «беспредельщик». Это слово первоначально описывало отношения в зоне, в тюрьме или в лагере. Нарушение неписанных правил является «беспределом» (что-то вроде беззакония, анархии). «Беспредельщик» старается всех запугивать* (Sme, 13.9.2008). В той же статье автор характеризует политику России еще одним жаргонным выражением – *крыша поехала*, которое тоже объясняется в словацком тексте: *Rusku «sa rozbehla strecha». Aj to je ruský slang: «kryša pojechala» znamená stav silného vzrušenia až vyšinutosť. – В России поехала крыша. Это тоже русский сленг: «крыша поехала» означает состояние большой взволнованности, даже сумасбродство.*

Отдельные грамматические ЭР прослеживаются в конкретных грамматических формах словацкого языка. Кульминацией острой политической борьбы между бывшим словацким президентом М. Ковачем и премьером В. Мечъяром стало похищение сына президента, М. Ковача-младшего в августе 1995-го года. Сторонники В. Мечъяра изрядно поиздевались над семьей президента, используя грамматический русизм (модель образования отчества): *Mladý prezidentovič. – Молодой президентович* (SR. 11. 3. 1999).

Тема *чиновников* в России очень распространена. Так это было в прошлом, однако она остается актуальной и в наше время. От *чиновника* часто зависит жизнь простого гражданина. Особенно опасен гнев *чиновника* московского: *Hnev moskovských číovníkov. – Гнев московских чиновников* (Sme, 4. 4. 2008).

Наши иллюстрации показывают, что функционирование лексических ЭР в словацких СМИ связано со временем, когда русский язык в Словакии был обязательным учебным предметом. Сказанное относится, в первую очередь, к словацким журналистам среднего и старшего поколения. Самыми известными русскими лексемами в словацких СМИ являются те, которые и в русской среде относятся к основному словарному фонду русского языка. Целый ряд русских лексем стал известен благодаря особенностям русской

этнокультуры, а также спорту (хоккею) и политике. Как правило, анализируемые ЭР используются в качестве оценочных и экспрессивных языковых средств с юмористическим и комическим эффектом. При этом посредством данных ЭР регулярно комментируются с тем же стилистическим оттенком не только реалии России, но также и современные реалии Словакии и других стран. Таким образом, исследуемые ЭР в определенном смысле можно считать **интернационалистами**. Подобные исследования дают возможность фрагментарно проследить иерархию наших знаний о России. Именно **когнитивная сторона** указанного исследования представляется наиболее ценной.

Сокращения словачских газет и журналов: P – Pravda, SNN – Slovenské národné noviny, SR – Slovenská republika, T – Týždeň, Ž – Život.

Литература:

- БРАГИНА, А. А. Лексика языка и культура страны. Москва: «Русский язык», 1981.
- ВЕЖБИЦКАЯ, А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики. Москва: «Языки славянской культуры», 2001.
- ГАЧЕВ, Г. Национальные образы мира. Космо. Психологос. Москва: «Прогресс» – «Культура», 1995.
- ГУДКОВ, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: «Гнозис», 2003.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва: «Наука», 1987.
- КАРПОВ, А. Ярослав Мудрый. Жизнь замечательных людей. Москва: «Молодая гвардия», 2005.
- МАЙОРОВ, А.М. Вторжение. Чехословакия, 1968. Свидетельство командарма. Москва: Права человека, 1998.
- МАСЛОВА, В.А. Лингвокультурология. Москва: Academia, 2004.
- ЧВАНОВ, М. Печальник славянства // Наш современник, 2003. № 12. С. 117-135.
- ČERVENĀK, A. Turgenev a Vajanský. Prešov, 1968.
- REITSCHUSTER, B. Vladimir Putin. Kam kráčaš, Rusko? Praha: Ottovo nakladatelství, 2006.

Статья написана в рамках проекта *Создание лингвокультурологической и переводческой лаборатории*, реализуемого в рамках научной оперативной программы Исследования, которая финансируется Европейским фондом регионального развития.